

Воскресный ПИКНИК

Еще в молодости мой папа прослужил сколько — то лет колониальным чиновником на Марсе: всякие там проблемы переселенцев — фермеров решал. Когда Марс климатизировали до гренландских условий, туда, как известно, хлынула куча народа. Мой будущий папочка расселял разноплеменную деревенщину по пустыням. В общем, нарезал переселенцам участки и оформлял соответствующие бумаги. С Марса он привез две вещи: неистребимый аппетит (побегай — ка столько на морозе!) и пристрастие ко всяким диковинным блюдам, о которых на Земле наверняка и старики давно позабыли. Научился, вероятно, у колонистов.

Вот и сейчас, когда мы готовились к пикнику — собирали сумки, то — сё, — папа достал из стола свою заветную тетрадь. Он ее берег, как священную реликвию. Испытующе посмотрев на нас, папа стал листать заляпанные жиром страницы.

— О, «Шашлык походный»! И все,

что требуется для блюда, мы сможем заказать прямо в агентстве телепортации. Замечательно!

— А что требуется для блюда, па? — полюбопытствовал я.

— Совсем пустяки, сынок, — охотно ответил отец и снова заглянул в тетрадь: — «Брикет синтетической баранины, репчатый лук...»

— Лук? — моя сестра Дина в ужасе закатила глаза. — Но ведь потом от нас будет пахнуть за километр, если не больше, папочка!

Но он успокоил мою сестрицу:

— Деточка, планета, на которую мы отправляемся, безлюдна. Можешь совершенно не беспокоиться о запахах... Ах, как это романтично: шашлык на древесных углях!

Папа даже зажмурился, вспоминая, видимо, нечто очень — очень приятное. Одним словом, вкусное! Но тут встряла мама:

— Дорогой, я не ослышалась? Планета, на которую ты заказал билеты, безлюдная?!

— А что тут плохого, моя дорогая? Тишина, покой, костерчик...

— Куча плохого, — отрезала мама. — Ты совершенно забыл, что мне прислали из салона новый туристский костюм!

Дина в тот же миг забыла и про лук, и про его пугающий запах:

— Ой, мамочка, милая, покажи! Ну, пожалуйста!

Мама оказалась более сдержанной.

— Еще увидишь, девочка. Скажу только, что он весь белый. Пусть лучше твой папа ответит: почему он заказал турмаршрут, даже не посоветовавшись со мной.

— Да, но... — беспомощно пробормотал папа.

— Я тебя слушаю, дорогой.

— Ну, хорошо. Ты просила пустыню, я пустыню и заказал, дорогая. Твой стилист может спать спокойно.

У мамы как будто бы немного отлегло от сердца.

— Во всяком случае, пустыня мне действительно подходит, — произнесла она задумчиво и уточнила: — К моему костюму подходит... Правда, ты говоришь, там никого не будет...

И мама грустно вздохнула. Мне стало жаль ее.

— Ма, — сказал я, — да не расстраивайся так сильно! Мы твой костюм оценим сами. Если он будет того стоить. Может, пара-тройка туристов и подвалят к нашему костру. Пофорсишь еще!

Мама испепелила меня взглядом. Вероятно, я сказал глупость.

Папа пожевал губами.

— Это совершенно новая планета, — заговорил он ободрительно. — Так мне сказали в агентстве. Их разведывательный зонд открыл ее всего месяц назад. Вот я и подумал: любопытно бы посмотреть мирок! А? Нет, вы только представьте: у планеты вытянутая эллиптическая орбита, совсем как у комет! Перепад температуры в афелии и перигелии — тысяча градусов! Растаявшие от огня скалы, лавовые поля и...

— ...никакой органической жизни! — закончила Дина. Она числилась в

первых ученицах школы, но, в принципе, была душой набитой.

— Эй, сестренка! — рассмеялся я. — Ты бы с органической жизнью — поосторожнее! Вспомни-ка, как на Терре-два с визгом улепетывала от маленьких пушистеньких «плевак». Миленькие такие зверушки, и ты им очень понравилась. Сколько их тогда увязалось за тобой? Десятка полтора? Хорошо, озеро по пути оказалось!

Дина гадливо поморщилась.

— Откуда же мне было знать, что у «плевак» будет такая реакция на ласку. В турагентстве нас тогда никто не предупредил, что на дурацкой планете никого нельзя гладить.

— Да. Но мама только что сказала, что ее новый костюм — белый. Представляешь, оранжевый или, скажем, голубой помет — на белом? Потрясающе будет выглядеть наша мамочка!

Мама даже простонала, видимо, представив себе эту жуткую картину. А я тем временем повернулся к отцу:

— Па, нам что, в агентстве выдадут скафандры? А как же твой «шашлык походный», мы же в шлемах будем? И мамин костюм опять же...

— Все в порядке, сынок, — бодро заверил меня отец. — Планета сейчас находится в афелии, за миллиард километров от своего солнца. Так что мы там будем чувствовать себя прекрасно. А вот лет так через двести, когда она приблизится к материнской звезде, туда едва ли сунешься: марте-новская печь!.. — Он взглянул на часы. — Однако нам пора в дорогу. Такси сейчас подъедет.

Папа положил свою замасленную тетрадочку в карман рюкзака, набитого поленьями древесины (весьма немалые деньги!), и мы было двинулись к выходу, но нас остановила мама.

— Пойдите. Да куда же вы? Я же еще не переоделась!

И мама ускакала в свою комнату. Спустя полчаса она появилась снова.

Это была не мама! Это был старинный колонизатор, какими их изображают в энциклопедии.

Белый пробковый шлем!

Белый полувоенный френч!

Белые шорты!

И сапоги — тоже белые! С золочеными шпорами!

Нет, для такого туристского костюма встреча с органической жизнью просто недопустима, подумал я. Невольно покосился на папу и заметил, как у него отвисла челюсть. Видимо, мой папочка представил себе счет, который пришлют из маминого салона. В мыслях я посочувствовал папе: таежный ватник с прожогами и платиновыми пуговицами, который он оплатил в прошлом сезоне, стоил ему немало здоровья! Правда, мама, надо отдать ей должное, чуть было не привлекла своего стилиста к суду: тот не предупредил ее, что ватники выходят из моды.

...Переход прошел нормально, если не считать того обстоятельства, что после материализации на голове у папы не оказалось его любимой стетсоновской шляпы. По всей видимости, папочка оставил ее в баре телепортационной станции. Туда он забежал перед стартом. У моего папы перед переходами всегда жажда.

Потрескавшееся лавовое поле сверкало под лучами немилосердного солнца. Унылые россыпи каменных окатышей по всему плато, полуразрушенный горный хребет вдали.

Дикий, пустынный мир. Смотреть тут было совершенно не на что. Бедный-бедный па! Как же его надули в агентстве!

Я услышал мамин стон:

— О-о-о... Я так и знала...

— Дорогая, что ты знала? — очнулся папа. Похоже, он тоже был малость ошарашен.

— Что зря старалась над костюмом, — заявила мама.

— Ну почему же зря. Когда сезон будет в разгаре, мы обязательно сюда вернемся.

— Ноги моей здесь больше не будет! И не уговаривайте даже!

Признаться, я тоже был подавлен увиденным, но папу надо было поддерживать, чтобы он не сник совсем. Бедняга и так остался без шляпы, а тут еще такое пекло. На Меркурии, наверное, прохладнее будет!

— Па, — сказал я, — здесь не так

плохо, как кажется. Можно сказать, даже интересно. Просто блеск! Только, пожалуйста, повяжи платок на голову... Дина, — обернулся я к сестре, — займись папиной головой!

Дина обвязала голову отца купальным полотенцем — явно здесь ненужным — и, вспомнив, что она все-таки отличница, не преминула блеснуть своими познаниями:

— Бедуин в пустыне наш папочка!

— Мы тут первооткрыватели, сестренка, — заметил я. — Это ты хоть понимаешь?

— О, конечно. Поэтому отметь, Колумб ты наш, место, где мы сейчас стоим.

Вообще-то это было разумно. Однажды мы потеряли точку перехода — на Делинте, если память не врет, — и операторам станции пришлось послать за нами поискового робота. Ух, и скандал был! Нашему папе уик — энд влетел тогда в копеечку. Держать установку под напряжением лишних двадцать две минуты!

Я достал из кармана шорт баллончик и обвел место, где мы материализовались, зеркально — сверкающим кругом.

— Вон подходящая скала, — проговорил папа, оглядевшись. — Там тень.

И мы двинулись в указанном направлении.

Мама устроилась в надувном шезлонге; свой костюм она так и не сняла, хотя жарило тут даже в тени. А папа принялся вынимать из рюкзака свои драгоценные поленья.

— Чур, я поджигаю! — заорал я. — Ты чего на меня так уставилась, сестренка?

— Смотрю на твои надбровные дуги. У тебя атавистические склонности, братец. Тяга к огню. Мне даже страшно за тебя! Дичаешь.

— Глупая. Огонь — это стихия. А мы живем обезопасенные до тошноты. Вон даже звездные экспедиции свернуты. Одни коммерческие зонды остались. И те автоматические.

Дина насмешливо фыркнула:

— Двоечник, помолчи! Что дали Земле твои звездные экспедиции?

Экономический убыток — и только. И что принесли? Лишнее подтверждение, что Космос пуст, необитаем.

— Как это необитаем? А мы?

— Ну, может, где-то и обитаем...

Только очень-очень далеко. Мы ведь всего на сотню парсеков и забрались, в Космос-то твой.

— Он не мой.

— Ясно — не твой. Могу представить, если бы он был твой. Ты бы заселил каждую планету гуманоидами.

— Да, это было бы здорово! — вздохнул я мечтательно.

— Ты не Господь Бог, Тим, успокойся, — произнесла Дина. И неожиданно предложила: — Пойдем-ка лучше погуляем... Во-он к тем скалам!.. Посмотрим, что там.

— Погоди. Подожду дрова.

Когда костер запылал, мы отправились в путь. До скал было километра два. Дорога была усеяна гладкими, покрытыми пустынным загаром камнями размером от шарика для пинг-понга до футбольного мяча. Шагать было непросто. Вдобавок жарило солнце. Оно висело над скалами, маленькое, но свирепое.

— У-ух! — шумно выдохнула Дина, когда мы наконец ступили в тень.

Разрушенные склоны отваливались ломтями, словно нарезанный хлеб. В разрезы некогда стекал расплавленный камень, застывший выпуклыми наростами. Отвесные обрывы отливали фиолетовым блеском. Ни травинки. Ни кустика. Один опаленный жаром камень!

— А папа прав, — заметила Дина, — тут и вправду доменная печь случается, когда планета приближается к своему солнцу. Агентство наверняка закроет этот турмаршрут. Таких проstackов, как наш папочка, им больше не сыскать!

Я достал из кармана баллончик.

— Давай-ка распишемся... Ну, что тут были.

— Нельзя, Тим.

— Это почему же?

— Жуткий штраф, если обнаружат.

— Да кто тут обнаружит?! Шутишь, сестренка? Сама говоришь, маршрут закроют как непопулярный.

А так хоть память останется.

— Это нехорошо — пакостить, где попало!

— Маленький автограф — и все! Ну?

— Нет! — резко возразила Дина.

Она старше меня и поздравей. В общем, вырвала баллончик у меня из руки и сунула себе в карман. Вот глупая! Мы двинулись назад, к лагерю. Честно сказать, я здорово проголодался. А сестрица ничего, бодро вышагивала. Наглоталась своих пилюль!

— Тим...

— Ну?

— Ты заметил, какие здесь странные камни?

Я не ответил.

— Знаешь, что они напоминают? Нэцкэ. Ну, эти... японские скульптурки...

— Не знаю, — отрезал я.

— Что ты вообще знаешь?

— Камни как камни, — огляделся я. — Ну, уродливые малость. Лучше ответь, если такая умная, откуда на планете кислород, когда жизнью тут и не пахло?

— Ну, даешь! Какое же агентство тебя отправит в тур на планету без кислорода? В конце концов, страховые компании существуют.

— Глубокая мысль, мэ. Поздравляю!

— А что? Не так?

— Так, конечно. Кислорода — захлебнись, и даже ни одной микробины! Наш отец прав: необычная планета!

...Шашлыки давно были готовы, и папа ждал только нас. Я ел — ничего! А вот мама, и вслед за ней Дина — заупрямились.

— Я на диете, — заявила мама.

— А я... боюсь несварения желудка. Лучше питательных таблеток еще проглочу.

Вреднее Дины у нас в доме никого нет!

Потом мы снова гуляли по пустыне. На этот раз вчетвером. Во время прогулки мама все время смотрела сквозь солнечные очки прямо перед собой, а папа, наоборот, глядел вниз, под ноги, либо озирался вокруг, слов-

но искал чего-то. Мы с Диной перекинулись взглядом.

— Ставлю свою бандану против твоей бейсболки, если у нашего папы ни возникло сейчас какой-нибудь идейки, — поделился я с сестрой наблюдением.

И не ошибся.

— Дорогая, — папа осторожно прикоснулся к белоснежному мамину

рукаву, — помнишь, мы с тобой мечтали о саде камней? О миниатюрном садике в японском стиле?

— О...

— Вот и я про то же. Посмотри на эти булыжнички. Чудо! Особенно те, что покрупней. Верно?

— О-о!.. Они похожи на... замороженных зверьков.

— Ну, заморозить тут кого-либо

трудно. — Папа утер полотенцем пот со лба. — Кстати. Они вовсе не тяжелые, камни.

— Да?

— Я в этом убедился, когда рассчитал место для костра.

— Что ты хочешь сказать, дорогой?

— Мама сняла очки и протерла стекла платочком.

— Что я хочу сказать? У нас есть право на телепортацию пятидесяти килограммов багажа. Заметь, на каждого члена семьи. Итого — двести. Понимаешь, дорогая? Двести килограммов сувенирного камня!

— А таможня?

— Ну, милая! Это же — камень, булыжники! Какое дело таможене до каких — то булыжников?

Мама немного подумала.

— И я смогу гулять в кимоно по саду камней? Вдоль журчащего ручейка? С золотыми рыбками?

— О да, разумеется. И ручей устроим! И рыбок заведем! А камней... камней я еще кучу навезу. С карьера. У меня там приятель начальником служит.

— Пожалуй, заманчиво, дорогой.

— А я про что? Экспедиторский отдел туркомпании доставляет багаж прямо к дому клиента. Это входит в стоимость билета. Ты чем-то озабочена, дорогая?

— Да вот, думаю... мой стилист что-нибудь смыслит в настоящих японских кимоно?

...Камни, привезенные с планеты, послужили основой композиции японского сада. Отец действительно пригнал пару грузовиков известняка с карьера. И прекрасный фруктовый сад, который нам оставил в наследство покойный дед по маминой линии, превратился в каменоломню. Впрочем, не надолго: что-то там стряслось с папиной фирмой. В общем, мой старик обанкротился как раз на третьем грузовике! И сад камней пошел с молотка. Камни купил сосед. Он увлекся «антикой» и строил фундамент под какую-то древнюю колонну. Требовался бутовый материал. И наши камни пришлось как нельзя кстати.

...Но один голышек я все-таки сохранил. Может быть, мне показалась трогательной форма камня. Он напомнил мне медвежонка, с которым я засыпал в детстве. Глупость, конечно. Но симпатичный голыш я спрятал в своем тайнике, где он пролежал почти год. А потом... не знаю, что на меня нашло... Я отправился к соседу-скульптору. Тот сваривал из обломков разбитых машин свои «произведения искусства». Чокнутый парень. Я попросил у него на время паяльную лампу. Устроился в дедовом саду, развороченном колесами грузовиков, и стал обжигать булыжник огнем. Можно только догадываться: был я тогда в норме или все-таки малость не в себе? Как это называется, когда у человека в голове что-то вдруг шелкает? Озарение? Дело в том, что меня не оставляло воспоминание о нашем последнем пикнике. Бредовый все-таки мирок, эта папина планета: кислорода больше, чем на Земле, а никакой жизни, даже примитивной! Одни камни эти странные. Здесь что-то не так, думал я.

Камень раскалился докрасна. Гладкая его поверхность покрылась трещинами, и кремниевые слои стали отваливаться один за другим, словно звенящая чешуя.

— Ой-ой, — воскликнул я. — Это еще...

Я с интересом разглядывал предмет, выпавший наружу. Он походил на личинку очень крупного насекомого. Какое-то живое существо? Да, существо — и прелюбопытное! Я вдруг услышал отчетливый вопрос: «Лето?» Где-то в голове услышал. Огнестойкое созданище, интересующееся временем года, даже не шевельнулось, когда я прикоснулся к нему пальцем. Осторожно так.

— Эй? — Невероятно: твердое, как камень, тельце было совершенно холодным!

Серый морщинистый калачик неподвижно лежал на земле среди чешуйчатых осколков. Я сидел на корточках, открыв рот. Паяльная лампа, которую я продолжал держать в руке, басовито гудела в тишине.

Так прошло еще две или три секунды. Живое несчастье, выпавшее из камня, внезапно съезжилось в комок, и я понял, что это — смерть. Я убил его! Беззащитного маленького инопланетянина! Бедняжка замерз, лишившись защитного кокона. Ну, конечно же! Зачем мы только привезли эти камни?! В кремниевой скорлупе, как в анабиозе еще сто или двести лет, пока их планета, двигаясь по орбите, не достигнет точки перигелия. Только тогда у них наступает «лето»! Не надо быть отличником, чтобы понять такую очевидную вещь!

И я заревел. Навзрыд. Последний раз я так ревел, когда грузовик переехал моего щенка Тотошку.

Я утер рукавом слезы и, отбросив треклятую лампу, встал.

— Нет, — сказал себе я, — так не годится, прямо в землю... Нет...

Я забежал в дом, в котором никого не было, и в детской, под стеллажами с игрушками нашел то, что требовалось: пластиковую коробку с задвижной крышкой. Лопату я нашел под старым грушевым деревом.

Потом я долго стоял над свежим холмиком, опираясь на лопату. За забором, на соседском участке, возвышалась античная колонна-памятник несчастным инопланетянам, замурованным по недоразумению в бетон.

Был полдень, жарило солнце. Слепяще-белый мрамор сверкал так ярко, что в глазах у меня защипало.

ОБ АВТОРЕ:

ЛАРИН Виктор Георгиевич родился в Одесской области в 1946 г. Окончил Московский гидрометеорологический техникум.

1971-2002 гг. работал на полярных станциях, где и начал писать фантастику. Сейчас живет в Нижнем Новгороде, работает инженером-метеорологом в Верхневолжской Гидрометслужбе.

Публикации: журнал «Юный техник» (2001-2005), рассказы «Особые рекомендации», «Казнить нельзя помиловать», «Пожирающий время», «Памятник». Журнал «Искатель» (2006-2007) «Воспоминание о будущем» (не по Деникену!), «Звезда», повесть. Публикации в местных журналах «Нижний Новгород», «Черный Пруд».